Гаяне Хачатрян

Библия и царская власть: легитимация династии Багратидов в средневековой армянской историографии

Gayane Khachatryan

The Bible and the Royal Power: Legitimation of the Bagratid Dynasty in Medieval Armenian Historiography

Gayane Khachatryan — Graduate Student at the Russian State University for the Humanities; Research Associate at the Governance and Problem Analysis Center (Moscow, Russia). iamgaya@mail.ru

The article deals with «constructing of the past» and legitimation of power of the Bagratid dynasty in medieval Armenian historiography. It focuses upon the use of biblical symbols by the medieval historians and the role of these symbols in the consolidation of power of the ruling dynasty. The article draws upon three sources belonging to the beginning, the middle, and the end of the Bagratid rule (History of Armenia by Hovhannes Draskhanakerttsi; General History by Stephanos Taronetsi; History of Vardapet Aristakes Lastiverttsi).

Keywords: legitimation of power, the Bagratid dynasty, historical memory, constructing the past, medieval Armenia, Stephanos Taronetsi, Aristakes Lastiverttsi, Hovhannes Draskhanakerttsi.

Введение

Проблема легитимации власти неразрывно связана с конструированием прошлого и созданием политического мифа, который опирается на коллективную память, тра-

диции и коммеморации[1]. С одной стороны, истоки легитимации находятся в прошлом, с другой — власть, признанная легитимной, получает возможность формировать прошлое, соответствующее ее интересам, и устанавливать новые, политически важные символы. История конструируется, но в основе этой конструкции лежит историческая память социальной группы/общества.

Особое значение в такой ситуации обретает фигура историка, как отмечает исследователь Средневековья Б. Гене: «Социальная группа, политическое общество, цивилизация определяются, прежде всего, их памятью, т. е. их историей, но не той историей, которая была у них в действительности, а той, которую сотворили им историки»[2]. Историк, сформированный прошлым, обладающий определенной исторической памятью, придает новую форму прошлому, актуализирует его в соответствии с интересами настоящего — будь то интересы его социальной группы, заказчика или общества в целом. Историк, конструирующий прошлое, ограничен, пользуясь терминологией Мориса Хальбвакса, социальными рамками памяти, у него есть определенный круг литературы, он включен в культурную матрицу своей эпохи, создаваемый им текст формируется в рамках определенного жанра. Согласно концепции Хальбвакса, социальные группы создают свой образ мира, согласовывая определенные версии прошлого. Таким образом, изучая армянскую историографию эпохи Багратидов, которой посвящена настоящая статья, мы обращаемся не к частному мнению авторов исторических текстов, а к исторической памяти социальной группы, ее самоидентификации и методам легитимации. Как и в любом другом подобном случае, реальные исторические события здесь сочетаются с воображаемыми, а осмысление этих событий может в то же время быть способом политической манипуляции массовым сознанием.

Средневековые историки ставили целью создание целостной картины мира. Локальные вопросы происхождения рода, обычая, института вплетались в мировую историю и прослеживались

1. Ricketson, P. (2001) «Political Myth: the Political Uses of History, Tradition and Memory», *University of Wollongong Thesis Collection* [http://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=2438&context=theses, accessed on 22.02.2014]; Hobsbawm, E., Ranger, T. (eds) (2003) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press; *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб.: Издательство Владимир Даль, 2004, и др.

2. *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 19.

до момента написания произведения[3]. Отличительная особенность средневековой историографии — ее функциональная значимость. События обретают смысл лишь тогда, когда они вписаны в божественный замысел, т. е. связаны с прошлым и будущим; в то же время события прошлого актуализируются в связи с потребностями настоящего, в том числе и в политических целях, для легитимации того или иного правителя или действия. Поскольку в христианском мировоззрении средневекового человека вся мировая история имеет единую точку отчета и движется к определенной цели, задача историка — понять божественный замысел, охватив всю историю от Адама до Второго пришествия. Библейская история для средневекового человека была своего рода схемой, по которой устроен весь мир, это образец истории как таковой, поэтому к истории применялись те же методы, что к интерпретации Библии. Задача средневекового историка — точно фиксировать события или, точнее, деяния значимых людей настоящего, сверяя их с библейской историей[4]. Мифологические мотивы сливаются с историческими и создают единое целое. Например, исследователи армянской средневековой истории зачастую механически отбрасывали мифологические/библейские сюжеты из исторического повествования; но понять средневекового историка можно только через призму его мировоззрения, в значительной степени основанного на Библии.

В средневековых исторических текстах можно обнаружить множество повторяющихся топосов. В частности, в преамбуле историк часто заявляет, что изучил труды своих предшественников и намерен написать правдивое повествование, основываясь на них и добав-

3. Исследователь средневековой литературы С. Я. Сендерович отмечал, что включение истории своего народа в универсальную историю позволяло «подключить ее к историографической традиции, извлечь из области внеисторического бытия и баснословия и, собственно, сделать историей». *Сендерович С. Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 477–478. Использовался так называемый центонно-парафразный принцип, по которому строились античные и средневековые тексты. Подробнее см. *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 55–76; *Аверинцев С. С.* Литература // Культура Византии: IV — первая половина VII в. М.: Наука, 1984. С. 281. *Женетт Ж.* Структурализм и литературная критика // Женетт Ж. Фигуры: В 2-х томах. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 159.

4. *Попов И. Н.* Историческая память в Византии: представления византийских хронистов VI–XII вв. об эпохе становления христианского царства: диссертация... к. и. н. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 27; McKitterick, R. (1997) «Constructing the Past in the Early Middle Ages: The Case of the Royal Frankish Annals», *Transactions of the Royal Historical Society* 6 (7): 101–129.

ляя что-то новое[5]. Современный исследователь может обнаружить в этих трудах очень ограниченный круг литературы, агиографических и устных источников. Нельзя выделить какие-то общие принципы работы средневековых авторов с источниками — некоторые строили свое повествование, опираясь на один источник[6], другие использовали множество разнородных источников[7], точно цитируя практически в каждом предложении новый источник. Армянские историки унаследовали от евреев, греков, римлян и ранних христиан все эти методы исторического описания и в зависимости от цели в разной степени применяли те или иные схемы, идеи и источники. Особенный интерес для нас представляют тексты, в которых автор творчески перерабатывал исторический материал, конструируя прошлое в соответствии с политическими потребностями настоящего.

В исторической литературе эпохой Багратидов принято называть период истории Армении с 980-х по 1070-е годы н. э., период восстановления государственности после длительного иноземного владычества[8]. Внутриполитическая ситуация в Армении в эпоху Багратидов была нестабильной. В IX–X вв. Армения состояла из нескольких отличных в культурно-историческом отношении регионов, в рамках этих регионов образовывались независимые небольшие царства, объединить которые не представлялось возможным. В разное время надежды на возрождение Армянского царства возлагались на влиятельный княжеский род Мамиконянов и на древний царский род Арцруни. В отличие от феодальных владений Мамиконянов, которые простирались от Таронской области до гор Арарат и Арагац, и обширных владений Арцрунидов к востоку от озера Ван (Васпураканская область), земли Багратидов были незначительными, они были рассеяны по всей территории Армении. Несмотря на это, имен-

5. *Попов И. Н.* Историческая память в Византии. С. 299–300.

6. В Византии чаще всего использовали в качестве такого источника хронику Георгия Монаха, в Армении — Мовсеса Хоренаци, Агатангелоса.

7. Например, в Армении Степанос Таронский, Ованнес Драсханакертци, Товма Арцруни, в Византии — Иоанн Малала, Георгий Синкелл, Феофан Исповедник, Георгий Монах.

8. О восстановлении Армянского царства подробнее: *Тер-Гевондян А. Н.* Армения и арабский халифат. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1977; *Мелик-Бахшян С. Т.* Армения в период арабского владычества (VII–IX вв.): диссертация... д. и. н. Ереван: ЕГУ, 1965; *Юзбашян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М.: Наука, 1988; *Бартикян Р. М.* Византия и армянская государственность в X–XI вв. // Вестник общественных наук Национальной Академии наук Армении. 1996. № 2. С. 592; Garsoïan, N. (2004) «The Independent Kingdoms of Medieval Armenian» in Hovannisian, R. G. (ed.) *The Armenian People from Ancient to Modern Times*, vol. 1. New York: Macmillan.

но Багратидам удалось восстановить армянскую монархию и добиться признания со стороны арабских и византийских правителей. В эпоху Багратидов в Армении появляется особый интерес к истории и ее фиксации. В сложной политической ситуации княжескому роду Багратидов важно было закрепить свой взгляд на историю и современные события. Как правило, исторические работы писались по непосредственному заказу представителя верховной власти, иногда летописцы даже оговаривали этот факт в начале своего повествования[9]. Расставляя акценты так, как это было выгодно заказчику, они тем самым обосновывали их права на власть (особенно это было важно Багратидам, чьи претензии на престол были сомнительными) и тем самым укрепляли ее и повышали авторитет рода. Надо было показать, что возникло новое, мощное государство, которое в то же время сохраняло связь с прошлым и опиралось на это прошлое.

Одним из способов легитимации власти было возведение своего рода к легендарному предку. Существовали архетипичные для всей христианской средневековой культуры образы идеальных правителей — библейские цари Давид и Соломон, которые, в свою очередь, были прообразами Царя Христа[10]. Поскольку в христианской традиции ветхозаветный царь Давид — ключевая мессианская фигура, прообраз Иисуса Христа и в то же время его предок, раннехристианские и средневековые авторы часто использовали его образ не только в религиозных, но и в политических целях[11]. Фигура царя Давида позволяла признать легитимным царя, не имеющего права на престол по крови, — библейский рассказ утверждает приоритет божественной благодати над юридическим и историческим правом на власть[12]. Сравнение царя с библейским Давидом или возведение своего рода к нему придавало власти сакральный характер и непоколебимый авторитет.

Неслучайно именно этим образом и воспользовались Багратиды, которые возвели свой род к царю Давиду. Согласно исторически не подтвержденной легенде, Мовсес Хоренаци в V в. по заказу одного из представителей рода Багратидов (Сахака Багратуни)

9. Например, Мовсес Хоренаци, Ованнес Драсханакертци, Степанос Таронский и др.

10. Cook, M. L. (2011) «A Tale of Two Kings: The Use of King David in the Chronicle of Pere III of Catalonia» [http://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4242&context=etd, accessed on 22.02.2014]; Hillgarth, J. N. (1978) *The Spanish Kingdoms, 1250–1516: 1410–1516, Castilian Hegemony*. Oxford: Clarendon Press.

11. Cook, M. L. «A Tale of Two Kings».

12. Сам Давид, согласно библейскому повествованию, был пастухом, младшим сыном некоего Иессея, к власти пришел фактически в результате политического переворота, после того, как пророк Самуил по божественному откровению помазал его елеем.

пишет историю Армении. Восхваляя своего государя, он пишет и о происхождении этой семьи. Он опирается на сведения некоего летописца и сообщает о еврейских корнях рода Багратидов. При правлении царя Навуходоносора армянский царь:

> ...выпросил у Навуходоносора одного из пленных иудейских вождей, по имени Шамбат, привел его и поселил в нашей стране, с большими почестями. Летописец утверждает, что именно от него происходит род Багратуни, и это правда. Мы потом обстоятельно расскажем, каких усилий стоило нашим царям склонить их к идолопоклонству, или сколькие из них и кто именно поплатились жизнью за богопочитание[13].

Эту же легенду можно встретить у многих армянских и грузинских историков. В IX в. Ованнес Драсханакертци дополняет легенду уточнением, что, согласно молве, род Багратидов восходит к роду Давида, а грузинские историки Джуаншир и Сумбат прямо говорят о происхождении Багратидов из дома Давидова[14].

Ряд современных западных исследователей относят деятельность Мовсеса Хоренаци к VII–IX вв., времени борьбы армянских княжеских родов за власть, в которой Багратиды одержали победу[15]. Роберт Томсон утверждает, что Мовсес Хоренаци использовал источники, которые не были известны в V в., и ссылается на свидетельства, появившиеся только в VI и VII вв. Томсон считает, что армянский историк «тенденциозно изменял армянские источники для того, чтобы превознести своих покровителей Багратидов, и последовательно отрицал роль их соперников Мамиконянов»[16]. Единого мнения на этот счет нет, но, как бы то ни было, существование этой легенды и ее распространение послужило прочным основанием для легитимации власти Багратидов и их дальнейшего утверждения на армянском престоле. Историки IX–XI вв.,

13. *Мовсес Хоренаци*. История Армении. Ереван. 1990. С. 23.
14. *Матевосян Р.* К вопросу о происхождении Багратидов // Армянскій вѣстникъ: Обществ.-полит. журн.: Возобновлен. изд. 2001. № 1–2. С. 112–115.
15. Наиболее известные исследователи: Роберт Хьюсен, Кирилл Туманов и Роберт Томсон: Thomson, R. W. (1997) «Armenian Literary Culture through the 11th Century» in Hovannisian, R. G. (ed.) *The Armenian People from Ancient to Modern Times: The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century*. New York: St. Martin's Press; Toumanoff, C. (1949) «The Early Bagratids. remarks in connection with some recent publications», *Le Muséon: Revue d'Études Orientales* 62; Hewson, R. H. (1975) «The Primary History of Armenia: An Examination of the Validity of an Immemorially Transmitted Historical Tradition», *History in Africa* 2: 91–100.
16. Thomson, R. W. «Armenian Literary Culture through the 11th Century».

уже ссылаясь на авторитет Мовсеса Хоренаци, широко использовали образ царя Давида, сравнивая с ним царей рода Багратидов и проводя параллели между Израильским царством и Армянским.

Это соотнесение усиливалось еще больше благодаря тому, что библейский царь, как и Багратиды, стоял у истоков создания нового царства. События возникновения иудейского государства и деятельность царя Давида описаны в Библии и были широко известны в христианской Армении. Для того чтобы сконструировать новый «политический миф», показать божественную избранность рода Багратидов, их включенность в мировую (библейскую) историю, важно было обеспечить единство интерпретации божественного откровения и истории. Это было возможно в случае союза государства с сильной церковью, обладающей монополией на духовную сферу. Особое значение в этой ситуации обретала борьба с ересями, которая укрепляла и формировала государственную/церковную систему[17]. Неслучайно именно в эпоху расцвета царства Багратидов начинается наиболее интенсивная борьба с ересями (тондракийцами, павликианами)[18].

Ниже мы остановимся подробнее на трех письменных источниках эпохи Багратидов: «Истории Армении» католикоса Ованнеса Драсханакертци (сер. IX — нач. X в.), чья деятельность относится к периоду становления Армянского царства; «Всеобщей истории» Степаноса Таронского (кон. X — сер. XI в.), жившего в эпоху расцвета царства Багратидов; и «Повествовании о бедствиях армянского народа» Аристакеса Ластивертци (XI в.), описывавшего упадок страны. Таким образом, можно проследить, как трансформировался и развивался исторический образ Багратидов от начала их правления до периода упадка. Особый интерес для нас будет представлять «История» Степаноса Таронского, поскольку она написана в период наибольшей власти Багратидов и лучше всех отражает официальную идеологию[19].

17. Английский историк Роберт Мур в своих работах убедительно показал, что кажущееся увеличение числа религиозных движений находится в прямой зависимости от политики церкви, которая в своих интересах в определенные периоды выделяла и исключала из общества некоторые группы людей. Этот подход с 80-х годов XX в. начинает находить все больше сторонников в современной медиевистике. Этой же точки зрения придерживается и автор в отношении средневековой Армении. См. Moor, R. I. (2007) *The Formation of a Persecuting Society: Authority and Deviance in Western Europe, 950–1250*. Malden (MA): Blackwell; Moor, R. I. (2012) *The War on Heresy: Faith and Power in Medieval Europe*. London: Profile Books.

18. *Тер-Гевондян А. Н.* Армения и арабский халифат. С. 220.

19. Поскольку датировка «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци остается открытой, мы не будем ее рассматривать в этой статье.

Легитимация власти в период становления царства Багратидов

Ованнес Драсханакертци, армянский католикос, живший на рубеже IX–X вв., писал свою «Историю Армении», предположительно, по заказу Ашота II Багратуни[20]. Время написания произведения точно неизвестно. Одни исследователи полагают, что работа велась на протяжении всей жизни католикоса, другие — что вся «История» была написана в конце X в.[21] Книгу можно условно поделить на две части: первая часть посвящена событиям от Потопа до конца IX в., а вторая охватывает события первой четверти X в. В написании первой части он использовал работы Корюна[22], Егише[23] и других историков. Во введении Драсханакертци кратко описывает структуру своего повествования, из которой позиция и симпатии католикоса становятся очевидными. Приход к власти Ашота Багратуни он описывает как спасение Армении: «Сызнова увидели обновленным царство, кое давным-давно прекратилось»[24], имена всех царей этого рода он сопровождает возвышенными эпитетами, Ашот I «был признан величайшим среди почти всех предшественников своих», с «добрыми побуждениями», «великомудр и красноречив», «благого поведения», «Высокородный Ашот принимал почести, но пренебрегал подношениями»[25]. Вражда между князьями объясняется внешними причинами — происками врагов.

20. *Алабян П.* Ованнес Драсханакертци // Видные деятели армянской культуры (V–XVIII века)/Под ред. Г. Х. Саркисян. Ереван: ЕГУ, 1982. С. 119.

21. См. *Дарбинян-Меликян М. О.* [Вступительная статья] // Ованнес Драсханакертци, История Армении. Ереван: Советакан Грох, 1984.

22. Корюн (Կորյուն) — историк, переводчик, писатель V в., ученик Месропа Маштоца, автор «Жития Маштоца».

23. Егише (Եղիշէ) — историк, писатель V–VI в., епископ Аматуниев и секретарь Вардана Мамиконяна, автор «Истории Вардана и войны армянской».

24. В статье будет использован русский перевод с древнеармянского языка М. О. Дарбинян-Меликян (Ованнес Драсханакертци, История Армении. Ереван: Советакан Грох, 1984). Впервые древнеармянский текст «Истории» был издан в 1843 г. в Иерусалиме, затем в 1853 г. под редакцией Н. Эмина (История Армении католикоса Иована Драсханакертци. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1853). Первый неполный критический текст «Истории Армении» был издан в Тбилиси в 1965 г. под редакцией Е. В. Цагарейшвили. Перевод М. О. Дарбинян-Меликян основан на критическом тексте Е. В. Цагарейшвили и издании Н. Эмина с использованием некоторых рукописей, снабжен обширными комментариями, источниковедческим и историографическим анализом.

25. *Ованнес Драсханакертци.* История Армении. С. 114.

Ованнес Драсханакертци достаточно четко оговаривает задачу, которую он ставит перед собой: достоверно описать события, современником которых он является. Тем не менее несложно заметить, что в действительности его задача значительно шире. Драсханакертци не просто описывает события, он включает их в историю Армении и историю мира, это позволяет ему задать определенный вектор толкования современных событий и придать им легитимность. Косвенные и прямые цитаты из Священного писания и других историков отсылают читателя к «тексту-предшественнику» и его контексту, в результате образуют новые смысловые структуры, раскрывающие суть современных событий в нужном ключе.

В отличие от многих своих предшественников, в частности Мовсеса Хоренаци, Ованнес Драсханакертци начинает библейскую историю не с сотворения мира, а с Потопа, очищения земли от грешников[26]. Также он выделяет генеалогическую цепочку, из которой, по преданию, произошли армяне. Выделение из библейского повествования событий после Потопа позволяет сфокусировать внимание читателей на проблеме «земли Обетованной» в связке с историей Армении. Хотя, вслед за Мовсесом Хоренаци, Ованнес Драсханакертци отмечает вторичность армянской истории по отношению к истории Израиля, история о сошествии Ноя с сыновьями «на сушу в Армении» придает всей истории армянского народа сакральный статус (статус избранного народа) и утверждает право армян на священные земли. В то же время претензии на избранность/землю Обетованную предполагают особые отношения с Богом. Начиная с истории Ноя по всему ветхозаветному повествованию красной нитью проходит идея договора Бога с народом. Избранный народ постоянно находится в состоянии выбора пути — «жизни и смерти», от этого выбора зависит судьба Обетованной земли и всего народа. Эта же концепция занимает центральное место в «Истории Армении» Ованнеса Драсханакертци. Как и ветхозаветное повествование, этот труд имеет открытый конец, периоды благоденствия перемежевываются с периодами упадка, а конечная судьба зависит от преданности Богу и его наместникам.

26. Следует отметить, что точно так же поступает автор другого средневекового литературного произведения — «Повести временных лет». Анализируя этот факт, И. Н. Данилевский приходит к выводу, что автор «Повести» отождествлял Русскую землю с землей Обетованной, тем самым сводил всю историю к уточнению границ земли Обетованной. *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс. 2004. С. 142–144.

Практически в самом начале повествования Драсханакертци вставляет заимствованную у Мовсеса Хоренаци легенду о происхождении Багратидов. Упоминание Багратидов в «предыстории» придает княжескому роду больший авторитет: чем глубже корни и чем раньше род был вовлечен в историю страны, тем значимее он для современности. Более того, род Багратидов сакрализуется, поскольку его происхождение возводится к легендарному царю Давиду и в то же время связывается с древними армянскими царями.

> Сперва он ставит Багарата, потомка еврея Шамбата, который, согласно молве, был из рода царя Давида, венценалагателем, возлагающим на него корону, ибо он ранее всех предался ему (царю) всей душою. Он поставил его также спарапетом и начальником темен и тысяч[27].

Драсханакертци подчеркивает, что предок Багратидов, Багарат, «ранее всех предался ему (армянскому царю) всей душою». Но на этом католикос не останавливается. Продемонстрировав древность рода Багратидов, их связь с библейским царем Давидом, преданность армянскому престолу, Драсханакертци связывает их род с другим ключевым моментом армянской истории — христианизацией. Багратиды в лице их предка Тубия, согласно повествованию католикоса, исполняли роль посредников между апостолом Фаддеем и языческим царем Армении. На уровне предыстории, до принятия христианства, которое воспринималось как новое рождение страны, Багратиды наделяются большим авторитетом: 1) они были связаны с первыми армянскими царями; 2) всегда были преданы стране; 3) имели благородное происхождение от царя Давида; 4) способствовали принятию христианства — выполняли роль связующего звена между царем и апостолами.

Основателя царской династии Ашота Багратуни Драсханакертци наделяет качествами святого правителя. Это подробное описание праведной жизни нужно католикосу, чтобы объяснить его восхождение на трон в обход царского рода Арцруни. Личные заслуги Ашота настолько велики, что они могут служить основанием для получения царского титула. Для большей убедительности Драсханакертци описывает прекрасную внешность Ашота.

27. *Ованнес Драсханакертци*. История Армении. С. 17.

> Он был высок ростом, статен и широкоплеч; у него было приятное лицо с черными, словно нарисованными бровями, в глазах его были тонкие кровяные жилки, как если бы в жемчуге родился красный рубин, и украшала его прелестная седина[28].

Описание внешности в библейской традиции имеет функциональное значение[29]: Божий избранник[30] должен быть красивым и без внешних изъянов, это архаичное представление о связи внешности и внутренних качеств встречается не только в Библии, но и во многих других древних текстах.

Если в «предыстории» Драсханакертци вписывал историю рода Багратидов в историю Армении, придавая ему высокий статус, то теперь претензии Багратидов он обосновывает личными качествами основателя рода: его праведностью и красивой внешностью. Здесь очевидны аллюзии на библейское повествование о царе Давиде, который не имел никаких прав на престол, но благодаря своим личным качествам и благочестию был избран Богом и принят народом. В библейской истории также подчеркивается красота Давида (1 Цар. 16:12). Такое же описание можно встретить и при избрании царя Саула (1 Цар. 9:2).

Драсханакертци уделяет много внимания междоусобным войнам, бедствиям и разорениям (историк следующего поколения Степанос Таронский сведет эти описания к минимуму). Все эти несчастья, по мнению историка, который следует библейской традиции, обрушились на армян из-за их греховности. Описывая столкновение с арабами, он использует богатую библейскую символику и соотносит разорение Армении с разрушением Иерусалима. При этом слова ветхозаветных пророков (Исайи, Иеремии и др.) об Израиле он воспринимает как пророчества об армянских бедствиях:

> Плачет и о нас пророк, говоря: «Так рушится Иерусалим», и слава Сиона унижена. Ибо лишились попечения Всевышнего даже Богом

28. *Ованнес Драсханакертци*. История Армении. С. 78.

29. Описание красоты Сары, жены Авраама, нужно для того, чтобы объяснить, почему на нее польстился фараон; из-за красоты Иосифа в него влюбилась жена Потифара; Давид был пленен красотой Вирсавии и т. д.

30. В. А. Арутюнова-Фиданян отмечает, что идея божественного происхождения царской власти была нова для армянских историков и только с Драсханакертци проникает в армянскую политическую мысль. По мнению исследователя, эта идея проникла в Армению под влиянием Византии. *Арутюнова-Фиданян В. А.* Образ Византии в армянской средневековой историографии // Византийский временник. 1991. Т. 52 (77). С. 113–126.

> созижденные церкви Христовы, уподобившиеся «шатру в винограднике и шалашу в огороде», «разрушили секирами и бердышами» врата [церкви] и осквернили алтарь имени его, и наследие Господа было попрано пятами нечестивцев и «проходящих путем», по-свински рыщущих глазами по земле, непорочную кровь служителей церкви пролили, «как воду вокруг Иерусалима»[31]

Образы Иерусалима и Армении настолько переплетаются, что создается впечатление, что Армения это и есть Иерусалим, а разрушение церкви — это разрушение Храма. Другие историки также будут проводить эту аналогию.

Заканчивается «История Армении» тревожным библейским поучением, где опять же слова, обращенные ветхозаветным пророком к народу израильскому, трактуются как обращение к армянам:

> Если бы, согласно предначертанному нам Создателем, мы готовы были обращать наши взоры к небесам и шли, уподобляясь Творцу, тогда, поистине, животворной силой Господа были бы спасены, а не преданы в руки врагов наших; мы повергли бы противников к ногам нашим и, изнемогшие, пали они на землю, и многие на земле ласкательствовали бы пред нами. «О, если бы народ Мой слушал Меня, — говорит Он, — и Израиль ходил Моими путями, я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их». Но, так как уподобились они стаду скота неразумного, уставившегося в землю, и исказили в себе образ и подобие Господа, поэтому ненавидящие Господа обманули нас, вепри лесные и люди дорожные попрали нас, как уличную грязь, и над головами нашими нависли камни долины Ахор[32].

Вновь возникают затронутые в начале темы Завета и «земли Обетованной». Драсханакертци обеспокоен судьбой Армении, несмотря на то, что для него правление Багратидов — лучший период истории, и на протяжении всей книги он демонстрирует божественную милость, сопровождающую этот род. История остается как бы открытой — все зависит от послушания народа, это повторение библейской схемы: повествование каждый раз оказывается незавершенным, все зависит от выбора пути — с Богом или без.

31. *Ованнес Драсханакертци*. История Армении. С. 162.

32. Там же. С. 237.

Образ Багратидов в армянской историографии в период расцвета царства

На рубеже X–XI вв. «Всеобщую историю»[33] по повелению католикоса Саркиса I пишет Степанос Таронский по прозвищу Асохик («говорун»). Биография Степаноса Таронского практически неизвестна. Из его произведения можно сделать вывод, что долгое время он жил в монастыре, а после вступления на престол католикоса Саркиса I выполнял различные поручения по церковному управлению, вследствие чего много путешествовал. Свою историю он начинает от сотворения мира и заканчивает постройкой царем Гагиком I храма в Ани. Книга разделена на три части. В первой излагаются события от сотворения мира до вступления на престол царя Трдата Великого (286 г.); вторая книга начинается с царствования Трдата и заканчивается вступлением на престол Георга II и воцарением Ашота Великого Багратуни в 885 г.; третья глава охватывает историю Багратидов в течение 119 лет, начиная с 885 г. по 890 г.

Уже по этой структуре видно, как легитимируется правление династии Багратидов: начиная с всемирной истории он сужает ее до истории Армении во второй главе, а третью посвящает Багратидам как органичному продолжению истории Армении и еще шире — истории мира. В самом названии книги есть претензия на универсальность, он пишет не «Историю Армении», как Ованнес Драсханакертци, а «Всеобщую историю», таким образом, история правления Багратидов, которой посвящена бо́льшая часть труда, выходит за рамки национальной истории и становится частью всемирной истории, начало которой положил сам Бог.

При этом роль историка сводится к роли медиатора/пророка, который просто фиксирует божественный замысел, переданный им Святым Духом:

> Армянские и иноземные творцы и риторы, осененные божественной благодатью, являются ревнителями Духа Святого исполненных пророков и, подобно им, начиная от сотворения мира Создателем, представляют в строгой последовательности картину грядущего

33. Впервые «Всеобщая история» была издана К. Шахназарянцем в 1859 г. в Париже. В 1885 г. С. Малхасеанц опубликовал критическое издание «Всеобщей истории» в Санкт-Петербурге. В статье мы будем цитировать русский перевод с древнеармянского языка Н. Эмина по изданию: *Степаннос Таронский (Асогик).* Всеобщая история/Пер. Н. Эмина. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1864.

> в точном изображении прошедшего, отправляясь от первосозданного человека и доходя до своего времени[34].

Асохик ставит свой труд в один ряд с ветхозаветными текстами, таким образом включая свое повествование в Священную историю. Он очень кратко пересказывает Библию, выделяя ключевые события. То, как он это делает и какие события выделяет, требует отдельного рассмотрения. Для него очень важны мотивы потери и обретения земли, иноземного владычества, смены власти и строительства Храма, причем нравственная составляющая — отступление народа от заповедей, в отличие от Ованнеса Драсханакертци и библейского повествования, сведена к минимуму. Выделенные им мотивы объединяют историю Израиля и историю Армении, для которой утрата земли и иноземное владычество было событием недавнего прошлого, а обретение царства — событием настоящего. Асохик начинает повествование с момента изгнания из рая, но описывается оно не как наказание, а как добровольный исход и «*наследование* земли». Он пропускает историю Ноя, сразу переходя к Аврааму. Поскольку Степанос Таронский жил в период расцвета Армянского царства, у него не было необходимости в легитимации и сакрализации армянских земель и армянского народа — это уже не вызывало сомнений, его задачей было написать «всеобщую историю».

В первую очередь его интересуют события и мотивы, созвучные с современной историей. Летописец подробно останавливается на книгах царств и проблеме смены царей, несколько раз он говорит о строительстве Храма Соломоном, от которого он ведет хронологию. Описание Асохика истории евреев перекликается с тем, что происходило в Армении с момента разрушения царства и до Багратидов — правление персов и византийцев, замена царской власти властью католикоса, приход арабов, склонявших к исламу, последующая борьба за независимость и победа Багратидов[35].

Асохик подробно описывает период правления Маккавеев, смены власти, раздоры между Аристовулом и Гирканом, которые привели к тому, что Помпей захватил Иерусалим и осквернил Храм. Для христианской интерпретации Священной истории период Маккавеев — не самый значимый, и то, что Асохик выделяет для описания этих событий целых две главы, свидетельствует о том, что историку по каким-то причинам эти события представлялись особенно

34. *Степаннос Таронский (Асогик)*. Всеобщая история. С. 1.

35. Там же. С. 10–11.

важными. Политическая ситуация в период правления Маккавеев действительно была очень похожа на ситуацию в Армении в эпоху Багратидов. Маккавеи воспользовались ослаблением державы Селевкидов, которая соперничала с Птолемеями в Египте, и на короткое время добились независимости. Маккавеи, так же как и Багратиды, были не из царской династии, и далеко не все их поддерживали. Между сменявшими друг друга правителями возникали постоянные раздоры. Внутренняя борьба за власть в Иудее ослабила страну, а привлечение в конфликт Рима привело к окончательной гибели царства. Историю Израиля Асохик заканчивает пророчеством о рождении Иисуса, которое цитируется дважды: «Не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресла его, время придет — он получит дань и народы ему покорятся»[36]. В свете приведенных параллелей с армянской историей пророчество звучит двусмысленно. Поскольку Багратиды возводили свой род к библейскому царю Давиду, это пророчество может относиться и к ним. Багратиды это и есть «князья от Иуды», и история Израильского царства продолжается в Армении. В последней главе первой части Асохик переходит от истории Израиля к истории Армении и доводит ее до правления царя Трдата.

В предисловии ко второй части «Всеобщей истории» Асохик проводит параллели между всеми частями:

> Начав свою историю от первосозданного человека, праотца нашего Адама.... — довели ее до царствования Трдата, первого царя, просвещенного верою во Христа. Вторую же эту нашу книгу мы начнем со второго отца нашего и первого просветителя армянского народа [св. Григория] и последовательно доведем до наших дней[37].

Таким образом, у Асохика Адам соотносится с Григорием Просветителем, а первый христианский царь Трдат — с Багратидами, которыми он заканчивает историю.

Историю Багратидов Асохик начинает с родословной и возводит ее к «племени Авраама» (неслучайно в пересказе Библии Асохик от Адама сразу переходит к Аврааму, опуская Ноя). Он повторяет легенду, описанную Мовсесом Хоренаци и Ованнесом Драсханакертци, и возвышает род Багратидов даже над царским родом Аршакидов.

36. *Степаннос Таронский (Асогик)*. Всеобщая история. С. 10, 16.

37. Там же. С. 39.

> Со времени Аршакида Вахаршака наши *языческие* цари возлагали [на Багратидов почетное звание] тагадира и аспета, они перенесли много мучений за поклонение Богу и когда совершилось просвещение [Армении], сверх Моисеева закона они через веру во Христа приняли еще благодать евангельскую[38].

Асохик подчеркивает, что Багратиды «неоднократно принимали [в свои руки] управление Армянским царством». Государь, у которого есть божественная милость, служит гарантом процветания страны, поэтому его легитимность не должна вызывать сомнения, сам Бог его благословил.

Далее следует почти житийное описание правления Ашота Багратуни и его преемников. Асохик подчеркивает расцвет духовной жизни, подробно останавливается на описаниях монастырей, их строительстве и праведной жизни Багратидов. «Во дни его и во время управления его отца в нашем отечестве (всюду) царствовал мир и каждый, по словам пророка, возлежал под виноградником и смоковницей своей»[39]. Все конфликты между княжескими родами, борьба за власть описываются в терминах войны добра (Багратидов) со злом (любые противники), и добро всегда побеждает. Степанос Таронский создает образ идеального царства, в отличие от истории Ованнеса Драсханакертци, который делал акцент на бедствиях и раздорах.

Некоторые исторические события Асохик сопровождает цитатами из Библии, представляя это как исполнение пророчества. Библейская схема, описанная им в начале, разворачивается в истории Армении. Он описывает череду завоеваний, потери земли, ее обретение, и заканчивается «Всеобщая история» строительством храма царем Гагиком Багратуни, наподобие строительства Храма Соломона. В отличие от Ованнеса Драсханакертци, у которого будущее страны сомнительно, Асохик уверен в успехе Багратидов, строительство величественного храма Гагика I служит тому залогом.

Образ Багратидов в историографии периода упадка Армянского царства (Аристакес Ластивертци)

Об авторе «Повествования о бедствиях армянского народа»[40] практически ничего неизвестно, кроме того, что он был вардапе-

38. *Степаннос Таронский (Асогик)*. Всеобщая история. С. 107

39. Там же. С. 109.

40. «Повествование» Аристакеса Ластивертци впервые издали мхитаристы в Венеции в 1844 г. на основании четырех рукописей предположительно XVIII или XIX в.

том[41] из местечка Ластиверт. «Повествование» состоит из пролога, 25 глав и послесловия. Он освещает события, начиная с прибытия византийского императора Василия II Болгаробойцы (976–1025) в Закавказье в 1000 г., и заканчивает повествование битвой при Манцикерте 1071 г. и пленением сельджуками византийского императора Романа IV Диогена. В книге Аристакеса Ластивертци можно выделить три основные темы: армяно-византийские отношения, нашествие сельджуков и тондракийское движение. Как и предыдущие два историка, Аристакес поддерживает власть Багратидов, к его времени устоявшуюся и не требующую обоснования. У него нет необходимости вписывать историю Багратидов в историю Армении или мировую историю, поэтому он сразу приступает к описанию современных событий — бедствий армянского народа. Акцент на этой стороне истории объединяет Аристакеса с Ованнесом Драсханакертци, который также много внимания уделял бедствиям Армении, и отличает его от Степаноса Таронского, который написал «парадную» историю Армении.

«Повествование» начинается с плача об армянской земле, который напоминает плач Иеремии. Аристакес Ластивертци сокрушается о грехах армянского народа, которые привели страну к гибели. Затем он переходит к описанию исторической ситуации в Армении. Образ Багратидов и их царства, как и у предыдущих историков, наполнен библейскими символами. Царствование Гагика Багратуни уподобляется мессианской эпохе из пророчества Исайи:

> Он принес Армении мир, церковные дела при нем процветали, а чада святого обета просвещались, ибо, согласно предсказанному пророком, «земля была наполнена ведением Господа, как воды великие наполняют море» (Ис. 41:9)[42].

Царствование Гагика приобретает черты почти мифологического, идеального прошлого. Если Ованнес Драсханакертци и Степанос Таронский вынуждены были обосновывать права Багратидов

В статье используется русский перевод критического текста К. Н. Юзбашяна: *Аристакес Ластивертци*. Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци / Пер. с древнеарм., вступ. ст., коммент. и прил. К. Н. Юзбашяна. М.: Наука, 1968.

41. Вардапет — ученая степень у монахов в Армянской церкви, дающая право проповедовать и наставлять паству.

42. *Аристакес Ластивертци*. Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци. С. 26.

на престол, вписывая их в более широкий контекст, то для Ластивертци правление царя Гагика — это уже идеальное прошлое, которое можно считать точкой отсчета. После Гагика следует постепенная деградация, связанная с грехами народа (не царя), которые привели к вражеским нашествиям. Враги описываются, с одной стороны, как воплощение зла, с другой стороны, как карающее оружие Бога. Все это служит нравоучительной цели, которую Аристакес Ластивертци поставил в своем «Повествовании»:

> Тем не менее мы все это изложили с целью, чтобы, прочтя, вы узнали грех был причиной всего постигшего нас. Чтобы взирая на нас, вы трепетали перед богом, дрожали от страха перед его могуществом И своевременной исповедью и покаянием предупреждали [наказание], а не вызывали [возмездие], став его жертвой[43].

Аристакес Ластивертци подробно описывает распространение тондракийской ереси и борьбу с ней. Любопытно, что Ованнес Драсханакертци, живший в период распространения этой секты, не говорит о ней ни слова. В его «Истории» нельзя найти даже намека на ее существование. Степанос Таронский мимоходом говорит о тондракийцах, основателе движения Смбате Зарехаванском. И только из «Повествования» Аристакеса и других источников мы узнаем об этом масштабном движении в средневековой Армении.

Как уже отмечалось выше, в современной историографии появление ереси все чаще рассматривают как результат действий церкви, в определенный момент исключающей из общества некоторые группы людей. В случае с армянскими еретиками, кажется, применим вывод, сделанный специалистом по катарам Анн Бренон относительно ситуации в средневековой Европе. Исследователь отмечает, что средневековая церковь сама была проникнута «манихейскими» идеями борьбы двух противоположных начал. Отождествляя себя с ангельскими фигурами, она противопоставляла себя легиону дракона, роль которого была отведена «манихеям»[44]. Подобный дуализм и апокалиптические настроения также были характерны для средневековой Армении. «Повествование» Аристакеса наполнено образами борьбы света с тьмой; еретики — это «служители драко-

43. *Аристакес Ластивертци*. Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци. С. 137.

44. Brenon, A. (2003) *Les Archipels cathares dissidence chrétienne dans l'Europe médiévale*, Cahors: l'Hydre Éditions; Brenon, A. (1995) «Les hérésies se l'An Mil. Nouvelles perspectives sur les origines du catharisme», *Heresies* 24: 21–36.

на», «поборники интересов сатаны», «добровольные слуги сатаны», именно они стали одной из причин разрушения Армянского царства. Аристакес Ластивертци приводит красочные образы пагубного воздействия тондракийцев на армянское общество:

> Так, например, когда в домашнюю пищу подмешивают яд и [кто-нибудь] приступает к ней словно к [здоровой] пище, смертельное зелье сражает его. Точно так же рыболовы насадкой скрывают крючок, чтобы на него попалась соблазнившаяся приманкой рыба. Таковы же слуги нечестия. Они не осмеливаются обнаружить перед кем-либо гибельную бездну, [в которую катятся], — кто бы согласился, даже будучи совершенно лишенным разума, доброхотно погрузиться в пучину, откуда нет исхода? Посему для обмана обделенных мужеством они прикрываются нашей благочестивой верой и сладким словом соблазняют мысли невинных. И слова их подобны раку. Трудно лечить эту болезнь, и точно так же охваченные [нечестием] едва выздоравливают[45].

Любопытен тот факт, что армяне, принявшие ислам или византийское православие, осуждаются всеми тремя историками, но их описание не производится в терминах борьбы света с тьмой, сражения с сатаной. Похоже, что эти группы людей недостаточно подходят для демонизации со стороны церкви. Армяне-отступники, которые из-за материальной выгоды или политических соображений предали свою веру, понятны и поэтому не могут служить символом зла в чистом виде. Тондракийцы же не преследуют никакой материальной выгоды, напротив, они гонимы всеми — как армянской властью, так и арабской и византийской; они — своего рода духовные конкуренты официальной церкви. Формально они подпадают под категорию мучеников, но поскольку они противостоят церкви, то автоматически становятся «антихристами» внутри армянского народа, это зло ради самого зла.

Драсханакертци и Асохик, стремящиеся показать единство и праведность народа в эпоху Багратидов, столкнулись с проблемой, что как раз в период расцвета большая группа людей не вписывалась в модель идеального царства с единым духовным центром. Драсханакертци решил проблему молчанием, Асохик упомянул, но мимоходом, подчеркивая победу над ними (которая еще не состоялась);

45. *Аристакес Ластивертци.* Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци. С. 119.

однако для Аристакеса Ластивертци это разделение не проблема, а логичное объяснение того, почему Армения находится в бедственном положении. Тондракийцы появляются в исторической литературе только в связи с упадком, а из идеальной модели они вытесняются, как будто их не было. Можно сказать, что в «Повествовании» Аристакеса еретики имеют функциональное значение, это образ зла, который призван, с одной стороны, контрастировать с идеальным образом Багратидов, а с другой стороны, освободить правящую власть от ответственности за гибель царства.

Легитимация власти Багратидов проходила в несколько этапов, в разные периоды ставились разные цели. В начале царствования было важно продемонстрировать связь Багратидов с историей Армении, их укорененность в ней, но будущее вызывало опасения. Затем, в эпоху расцвета, величие Багратидов расширилось до масштабов Священной истории, царство Багратидов стало восприниматься как продолжение Израильского царства, а сами Багратиды ассоциировались с библейскими царями. В период упадка возникла необходимость объяснения бедственного положения и распада. Точка отсчета ведется с царствования царя Гагика как не поддающегося сомнению периода идеального царства. А вина за постепенное разрушение царства возлагается на разные слои общества и предательскую политику некоторых князей[46], при этом особое значение приобретает движение тондракийцев, которое, по мнению историка, внесло свою лепту в разложение. Все три историка эпохи Багратидов формируют целостное представление об армянской истории и современной им царствующей власти, которой отводится центральное место в их трудах. Стремясь к точному описанию действительности, которое в рамках христианского мировоззрения означает постижение Божьего замысла о мире, средневековые армянские историки «идеологизировали» свои произведения, рассматривая правление Багратидов и всю историю Армении через призму своих представлений об этом замысле. Благодаря тому, что средневековые армянские историки считали своей миссией интерпретацию истории, а не бесстрастное описание, их труды в значительной степени служили легитимации власти. Армянские историки, сторонники сильной царской власти во главе с Багратидами, осмысляли прошлое с позиции легитимности Багратидов, их божественной из-

46. *Юзбашян К. Н.* Повествование Аристакеса Ластивертци: филологическое исследование творчества. Автореферат … д. ист. н. Ереван: ЕГУ, 1977; *Арутюнова-Фиданян В. А.* Образ Византии в средневековой армянской историографии XI в. // Византийский временник. 1994. Т. 55. С. 146–151.

бранности. С одной стороны, прошлое придавало Багратидам больший авторитет и укрепляло уже существующую власть, с другой — реальный авторитет Багратидов влиял на интерпретацию истории.

Библиография/References

Источники

Драсханакертци Ованнес. История Армении/Пер. с древнеарм. яз., вступ. ст., комментарии М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван: Советакан грох, 1984.

Ластивертци Аристакес. Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци/Пер. с древнеарм. яз., вступ. ст., комментарии К. Н. Юзбашяна. М.: Наука, 1968.

Таронский (Асогик) Степаннос. Всеобщая история/Пер. с древнеарм. яз., вступ. ст., комментарии Н. Эмина. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1864.

Хоренаци Мовсес. История Армении/Пер. с древнеарм. яз., комментарии Г. Саркисяна; Ред. С. Аревшатян. Ереван: Айастан, 1990.

Литература

Аверинцев С. С. Литература // Культура Византии: IV — первая половина VII в./Отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1984.

Алабян П. Ованнес Драсханакертци // Видные деятели армянской культуры (V–XVIII века)/Под ред. Г. Х. Саркисян. Ереван: ЕГУ, 1982.

Арутюнова-Фиданян В. А. Образ Византии в армянской средневековой историографии // Византийский временник. 1991. Т. 52 (77). С. 113–126.

Арутюнова-Фиданян В. А. Образ Византии в средневековой армянской историографии XI в. // Византийский временник. 1994. Т. 55. С. 146–151.

Бартикян Р. М. Византия и армянская государственность в X–XI вв. // Вестник общественных наук Национальной Академии наук Армении. 1996. № 2 (592): 15–25.

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс. 2004.

Женетт Ж. Структурализм и литературная критика // Женетт Ж. Фигуры: В 2-х томах. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1.

Мелик-Бахшян С. Т. Армения в период арабского владычества (VII–IX вв.), диссертация... д. и. н. Ереван: ЕГУ, 1965.

Матевосян Р. К вопросу о происхождении Багратидов // Армянскій вѣстникъ: Обществ.-полит. журн.: Возобновлен. изд. 2001. № 1–2. С. 112–115.

Попов И. Н. Историческая память в Византии: представления византийских хронистов VI–XII вв. об эпохе становления христианского царства, диссертация... к. и. н. М.: ИВИ РАН, 2009.

Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1: Древняя Русь.

Тер-Гевондян А. Н. Армения и арабский халифат. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1977.

Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Издательство Владимир Даль, 2004.

Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М.: Наука, 1988.

Юзбашян К. Н. Повествование Аристакеса Ластивертци: филологическое исследование творчества: автореферат диссертации... д и. н. Ереван: ЕГУ, 1977.

Sources

Draskhanakerttsi, Ovanes (1984) *Istoriia Armenii. Perevod s drevnearmianskogo M. O. Darbinian-Melikian* [The History of Armenia. Translated from Old Armenian language by M. O. Darbinyan-Melikian]. Yerevan: Sovetakan grokh.

Khorenatsi, Movses (1990) *Istoriia Armenii. Perevod s drevnearmianskogo G. Sarkisiana* [The History of Armenia. Translated from Old Armenian by G. Sarkisian], S. Arevshatian (ed.). Yerevan: Aiastan.

Lastiverttsi, Aristakes. *Povestvovanie vardapeta Aristakesa Lastiverttsi. Perevod s drevnearmianskogo K. N. Iuzbashiana* (1968) [The History of vardapet Aristakes Lastivertc'i. Translated from Old Armenian by K. N. Iuzbashian]. Moscow: Nauka.

Taronskii, Stepanos (Asogik) (1864). *Vseobshchaia istoriia. Perevod s drevnearmianskogo N. Emina* [The Universal History. Translated from Old Armenian by N. Emin]. Moscow: Tipografiia Lazarevskogo instituta.

Literature

Alabian, P. (1982) «Ovannes Draskhanakerttsi» [Ovannes Draskhanakerttsi], in G. Kh. Sarkisian (ed.) *Vidnye deiateli armianskoi kul'tury (V–XVIII veka)*. Yerevan: Izd-vo Yerev. un-ta.

Arutiunova-Fidanian, V. A. (1991) «Obraz Vizantii v armianskoi srednevekovoi istoriografii» [Image of Byzantine in the Armenian medieval historiography], *Vizantiiskii vremennik*. T. 52 (77): 113–126.

Arutiunova-Fidanian, V. A. (1994) «Obraz Vizantii v armianskoi srednevekovoi istoriografii XI v». [Image of Byzantine in the Armenian medieval historiography in the 11th century], *Vizantiiskii vremennik*. T. 55: 146–151.

Averintsev S. S. (1984) «Literatura» [The Literature], in Z. V. Udal'tsova, G. G. Litavrin. (eds) *Kul'tura Vizantii: IV — pervoi poloviny VII v.* Moscow: Nauka.

Bartikian, R. M. (1996) «Vizantiia i armianskaia gosudarstvennost' v X–XI vv». [Byzantine and Armenian statehood in the X–XI centuries], *Vestnik obshchestvennykh nauk Natsional'noi Akademii nauk Armenii*. № 2 (592): 15–25.

Brenon, A. (1995) «Les hérésies se l'An Mil. Nouvelles perspectives sur les origines du catharisme», *Heresies* 24: 21–36.

Brenon, A. (2003) *Les Archipels cathares dissidence chrétienne dans l'Europe médiévale*, Cahors: l'Hydre Editions.

Cook, M. L. (2011) «A Tale of Two Kings: The Use of King David in the Chronicle of Pere III of Catalonia» [http://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4242&context=etd, accessed on 22.02.2014].

Danilevskii, I. N. (2004) *Povest' vremennykh let: germenevticheskie osnovy istochnikovedeniia letopisnykh tekstov* [Tale of Bygone Years: hermeneutical basis of source study of chronicle]. Moscow: Aspekt-Press.

Garsoïan, N. (2004) «The Independent Kingdoms of Medieval Armenian» in Richard G. Hovannisian (ed.) *The Armenian People from Ancient to Modern Times*, vol. 1. New York: St. Martin's Press.

Gene B. (2001) *Istoriia i istoricheskaia kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and historical culture of the medieval West, translated from French]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Hewson, Robert H. (1975) «The Primary History of Armenia: An Examination of the Validity of an Immemorially Transmitted Historical Tradition», *History in Africa* 2: 91–100.

Hillgarth, J. N. (1978) *The Spanish Kingdoms, 1250–1516: 1410–1516, Castilian hegemony*. Oxford: Clarendon Press.

Hobsbawm, E. and Ranger, T. (eds) (2003) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hutton, P. H. (1993) *History As an Art of Memory*. Hanover: University Press of New England.

Iuzbashian, K. N. (1977) *Povestvovanie Aristakesa Lastiverttsi: filologicheskoe issledovanie tvorchestva* [History of Aristakes Lastivertc'i: philological analysis]. Yerevan.

Iuzbashian, K. N. (1988) *Armianskie gosudarstva epokhi Bagratidov i Vizantiia* IX–XI *vv.* [Armenian state and Byzantine in the era of Bagratids in IX–XI centuries]. Moscow: Nauka, 1988.

Matevosian, R. (2001) «K voprosu o proiskhozhdenii Bagratidov» [On the problem of the origin of Bagratids] *Armianskii vestnik*: Vozobnovlen. izd. № 1–2: 112–115.

McKitterick. R. (1997) «Constructing the Past in the Early Middle Ages: The Case of the Royal Frankish Annals», *Transactions of the Royal Historical Society* 6 (7): 101–129.

Melik-Bakhshian, S. T. (1965) *Armeniia v period arabskogo vladychestva (*VII–IX *vv.)* [Armenia in the period of Arab rule (VII–IX c.), Yerevan.

Moor, R. I. (2007) *The Formation of a Persecuting Society: Authority and Deviance in Western Europe, 950–1250*. Blackwell Publishing Ltd.

Moor, R. I. (2012) *The War on Heresy: Faith and Power in Medieval Europe*. London: Profile Books.

Popov, I. N. (2009) Istoricheskaia pamiat' v Vizantii: predstavleniia vizantiiskikh khronistov VI–XIIvv. ob epokhe stanovleniia khristianskogo tsarstva [Historical memory in Byzantium: The Formation of the Christian Kingdom in the view of the Byzantine chroniclers], Moscow.

Ricketson, P. (2001) «Political Myth: the Political Uses of History, Tradition and Memory», *University of Wollongong Thesis Collection* [http://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=2438&context=theses, accessed on 22.02.2014].

Senderovich, S. I. (2000) «Metod Shakhmatova, rannee letopisanie i problema nachala russkoi istoriografii» [Shakhmatov's method: early chronicles and the problem of Russian historiography], *Iz istorii russkoi kul'tury*, T. 1 Drevniaia Rus'. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Ter-Gevondian A. N. (1977) *Armeniia i arabskii khalifat* [Armenia and the Arab Caliphate]. Yerevan: Izdatel'stv AN Armianskoi SSR.

Thomson, Robert W. (1997) «Armenian Literary Culture through the 11th Century» in Richard G. Hovannisian (ed.) *The Armenian People from Ancient to Modern Times: The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century*. New York: St. Martin's Press.

Toumanoff, C. (1949) «The Early Bagratids Remarks in Connection With Some Recent Publications», *Le Muséon: Revue d'Études Orientales* 62.

Zhenett, Zh. (1998) *Figury* [Figures, translated from French] Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh, T. 1.